

УДК 930.2+908

С. В. Любичанковский**Дневники Л. Н. Большакова как исторический источник**

В статье дан анализ особенностей построения и содержания дневниковых записей почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Л. Н. Большакова. Показано значение его дневника как исторического источника, на основе которого можно анализировать не только аспекты биографии автора, но и особенности повседневной жизни и мировосприятия людей его круга общения, интеллигенции поздней советской эпохи. Указано на важность теоретических размышлений Л. Н. Большакова о специфике дневника как исторического источника.

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник.

Целью статьи является анализ дневников Леонида Наумовича Большакова (1924—2004) как исторического источника, изучение которого способно внести вклад не только в уточнение вех жизненного пути его создателя, но и в развитие таких направлений исторической науки, как история повседневности, биографика, история интеллигенции.

Личные дневники пишутся «для себя», но после ухода из жизни их авторов нередко обретают читателей. В фундаментальном исследовании И. Ф. Петровской, заложившей методологические основы науки биографики, читаем: «Наличие дневника — удача для биографа...»; «В дневниках, особенно если они охватывают сравнительно долгий период... выражается психика человека, его настроения, верования, интересы, вкусы» [6, с. 5—6], — пишет автор и далее на страницах указанной книги говорит о дневниках как ценнейших источниках для биографического источниковедения. О дневниках и их значимости размышляет и екатеринбургский профессор Л. П. Быков [1]. Но дневник — не только источник жизнеописания. Об источниковедческой ценности дневников для изучения государственно-правовых явлений можно прочитать в работе С. В. Кодана «Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений» [5]. Дневники становятся объектом изучения не только историков, но и филологов, например литературоведа О. Г. Егорова [2; 3]. В настоящее время изданы дневники многих выдающихся писателей, ученых, поэтов, композиторов (см., напр.: [7, 8]).

Однако можно констатировать, что в российском обществе традиция ведения дневника утрачивается, и массовое для XVIII—XIX веков явление превратилось в эксклюзив для XX века, особенно второй его половины. Можно сказать, что с дневниками произошла та же метаморфоза, что и с бумажными «длинными» письмами — в силу разнообразных причин их просто перестали писать. Трагедия ситуации заключается в том, что в этот же период в мировой исторической науке явно наметился поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного Человека, к истории повседневной жизни, то есть к тем направлениям, для которых источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары) являются особо ценным видом исторических источников. Именно поэтому дневники, относящиеся ко второй половине прошлого столетия, являются настоящим эксклюзивом и привлекают к себе повышенное внимание историков, а их обнаружение является настоящей исследовательской удачей.

© Любичанковский С. В., 2016

Именно к таким документам относятся и дневники почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Леонида Наумовича Большакова¹, о которых пойдет речь в данной статье.

Важно подчеркнуть, что дневники Л. Н. Большакова, представляя собой срез духовного мира и повседневной жизни провинциального интеллигента поздней советской эпохи, имеют одну важную источниковедческую особенность, которая вообще редко встречается не только в дневниках XX века, но и более ранних эпох. Дело в том, что абсолютное большинство создателей дневниковых записей не рефлексируют в них на тему самой природы своего дневника, целей и задач его создания. Они просто пишут дневник. Иная ситуация у Леонида Наумовича — он в силу своих профессиональных интересов длительное время изучал дневник Т. Г. Шевченко, ему как исследователю важно было понять мотивы создания этого источника и то, насколько адекватно он отражал реальность. Именно поэтому автор — уже немолодой к 1984 году человек — стал вести свой собственный дневник. Начиная его, он сознательно хотел провести эксперимент и ответить на эти вопросы, которые и сегодня не утратили своей теоретической значимости и являются дискуссионными для исторической науки. Будучи добросовестным исследователем, он хотел экспериментально проверить, можно ли доверять дневниковым записям как документальным источникам. Исследователь был согласен с утверждением Т. Г. Шевченко о том, что «понять природу дневника великого человека» способен «только тот, кто берется за Дневник сам» (19 февраля 1984 г.). И кроме того, Л. Н. Большакову было важно сравнить степень достоверности дневниковых записей и воспоминаний. Приведем любопытную запись от 7 ноября 1984 года: «Прогуливались... Разговор на всякие темы. Какие? Даже сейчас не припомню. А как помнят диалоги разных людей мемуаристы? Можно ли вполне доверять их записям по памяти? А сколько высказываний великих цитируется на всех перекрестках именно по таким источникам».

Однако какие бы причины ни заставили автора дневника взяться за перо, в настоящее время мы имеем поистине удивительный документ, уникальный исторический источник.

Предметом анализа данной статьи является дневник в целом. Нам хотелось показать, как строились записи, какова историческая значимость этого документа. В настоящее время дневник Л. Н. Большакова находится в семейном архиве, доступ к нему возможен по согласованию с дочерью его создателя, Татьяной Леонидовной Большаковой.

Анализируемый дневник представляет собой двадцать книжек-ежедневников. Первая запись была сделана 1 января 1984, последняя — 6 августа 2004 г., за три дня до ухода из жизни.

Двадцать томов — двадцать лет жизни. И хотя записи большей частью носят деловой характер — это своеобразные лаконичные отчеты о сделанном, — почти на каждой странице есть раздумья в связи с полученными письмами, мини-рецензии на увиденное или

¹ Большаков Леонид Наумович (1.01.1924, Сновск, ныне Щорс, Черниговской обл. — 9.08.2004, Оренбург) — ученый, историк, писатель, литературовед. Кандидат филологических наук (1969), профессор (1980), академик Международной академии гуманизации образования (1995) и член-корреспондент Российской академии естественных наук (1997). Заслуженный работник культуры Украины (1992), заслуженный деятель науки РФ (1994). Лауреат премии Совета Министров Украины им. П. Тычины (1982) и Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1994). Почетный гражданин Оренбурга (1993). С 1941 г. жил и работал в Оренбуржье. В течение 30 лет занимался журналистикой, выпустил более двадцати книг о современниках. В 1962—1968 гг. возглавлял областную студию телевидения. Автор книг о Л. Н. Толстом, Г. С. Винском, декабристах, В. Терьяне, А. Фадееве; более 20 произведений посвящены Тарасу Шевченко. Основатель Шевченковских музеев в Орске и Оренбурге (1986, 1989), Оренбургского института Тараса Шевченко (1993), праздника «Шевченковский март» (1977). Автор трех региональных литературных энциклопедий: «Оренбургской Шевченковской», «Оренбургской Пушкинской», «Оренбургской Толстовской» (все — 1997). Инициатор и автор-составитель «Оренбургской биографической энциклопедии» (2000).

прочитанное, размышления о событиях, происходящих в стране, области, городе... Есть на страницах дневников записи «семейные», есть записи о болезнях, трагедиях...

Документ достаточно скуп на эмоции — если вкладывать в это понятие ожидание от текста множества восклицательных знаков и слов, написанных прописными буквами. Однако по тону записей каждый раз чувствуется, что автор пишет о происходящем вокруг не как отстраненный наблюдатель, а с чувством глубокого сопереживания тому, что происходит на его глазах. И это касается не только событий его частной жизни, но и положения дел в стране: контекст эпохи, связанный с крушением прежнего миропорядка и становлением новой системы общественных отношений, существенно влиял на контент записей.

Тиражировать дневник целиком, наверное, невозможно — уж слишком велик объем¹, к тому же он содержит в себе и ряд личных тайн, поэтому предлагаем подробный анализ документа.

«Исповедальная проза? Что-то вроде этого», — размышляет о характере своего дневника автор. Но собственно «исповедальных», т.е. строк-размышлений о себе самом не так уж много. Приведем самую первую, с которой и начинается дневник.

«1 января 1984 г.: Состояние праздности для меня не существует. Сегодня мне 60. Внушительная цифра возбуждает — юбилей. Уже неделя как идут телеграммы и поздравления в письмах. Те, кто поближе (по месту жительства, по степени знакомства-близости), в эпитетах сдержанны; те, кто представляет журналы, издательства, союзы, не стесняются в выражениях (тут и «известный», и «замечательный», и чуть ли не «выдающийся»). Преувеличения налицо, но... приятно. Кому-то известен, в чем-то замечателен и, во всяком случае, примечателен. ...Но о чем думает сам юбиляр (кстати, сам себя шестидесятилетним не ощущающий). О работе и только о работе. Причем в меньшей степени о том, что сделано и сдано, хотя и в «подвешенном состоянии»... — эти книги уже состоялись, достоинства их мне видны. Годом раньше или позже, но в руки их возьму. Думается о том, как лучше распорядиться временем, чтобы в первый год на седьмом десятке лет (!) сделать максимально много. Вчера «Южный Урал» напечатал интервью с юбиляром, озаглавив его «Ни года без книги!». Название мне не по душе, но это потому, наверное, что есть боязнь: как бы не подумали, что гоняюсь за количеством книг, за «листажом», а значит, за гонораром. А на самом деле? Хочу, чтобы новое выходило именно каждый год, чтобы издавалось даже не по одной, а по две и три книги. Ведь если сделано плохо, не добротное — не издадут. Не верю, что, «мало» — это качество, а «много» — чуть ли не халтура. Профессионал — это работа и работа. Искать и писать, писать и выпускать, причем не бояться разномыслия, разности жанровой... Впервые не знаю, что для меня главное в наступившем январе — смешало карты юбилейное. Но год-то ясен!

Нельзя медлить: звонок — умер Илья Рескин (известный оренбургский врач. — С. Л.). Уходят чистые ровесники».

Такие пространные записи-размышления встречаются нечасто — обычно они представляют собой «фотографию дня»: как правило, первый абзац записи посвящен работе над тем или иным произведением, далее автор фиксирует дела вне дома и письменного стола, затем следуют записи о полученных письмах и раздумья в связи с ними, о прочитанном и увиденном по ТВ и т.д.

Характерный пример: «22 декабря 1988 г.: С утра сел за рукопись (идет работа над книгой «Быль о Тарасе». — С. Л.), но «с налету» главу не взял, а потом помешал звонок

¹ В одной из записей читаем: «Заканчивается 12-я книга (12-й том) моих дневников. Минимум четыре тысячи печатных страниц — для себя. Не меньше, а, скорее, больше, чем написал в тот же срок для печати» (16 декабря 1995 г.).

от Вяч. Гр. Шевченко из Эссентуков, который, прочтя «Все он изведал»¹, решил выразить мне свои чувства, а заодно рассказать о своих шевченковских переводах, шевченковских изысканиях, собственной литературной работе и т.д. Говорил очень долго, не щадя междугороднего телефонного провода. Убедил его, что лучше будет, если он мне напишет. Я же... застрял с главою, тем более, что надо идти на встречу с художником в музей.

Встреча в музее состоялась. Ив. Вас. Турецкий — совсем молодой еще художник. Но дело знает, на их трио можно надеяться. Вообще же работы идут туго, и я беспокоюсь, что двух месяцев может до окончания всего не хватить.

Письма от Скачилова, Земляковой, Хлебникова, Ушеренко, Филатова и Ол. Гончара (далее приводятся хвалебные строки на украинском языке из письма последнего. — С. Л.). Написал первым пяти и — в Литфонд (о справке).

Главу продолжил днем и не закончил, но дело к концу — теперь уже вижу и завтра допишу.

Я что-то слишком часто стал жаловаться на свое старение с вытекающими из него симптомами. Ушеренко, человек чуткий, встревожилась моим состоянием и забила тревогу. Ни к чему это самовнушение, если даже есть под ним определенный реальный фундамент. Да, возраст почтенный, да, в наличии реальные признаки возраста, но потенциал достаточен для того, чтобы самореализоваться и притом без жалоб и без оговорок, точнее — оговоров самого себя».

Разумеется, содержание записей менялось, когда автор дневника был в командировках, отпуске или находился в больнице, но и в последнем случае дневниковые страницы включали огромное количество дел.

Заметно изменился характер записей в 90-е годы XX века. Дневнику 1992 г. даже предпослан эпиграф из П. Вяземского: «Я просто “Записная книжка”, где жизнь играет роль писца». На дневниковых страницах автор дает пусть и не развернутую, но очень широкую картину жизни и в Оренбуржье, и в стране, тем более интересную, что рассказывает и о событиях, происходящих, говоря сегодняшним языком, в странах ближнего зарубежья — Украине, Армении, Казахстане.

«Политики не касаюсь, но живу-то в ней и с нею», — записал автор дневника 25 июня 1993 г., и по ежедневникам первой половины 90-х годов видно: Л. Н. Большаков настолько тяжело воспринимал все происходящее в стране, что даже писать был не в состоянии.

— Несколько раз приступал к уборке стола. И вчера, и сегодня. Но ко всему этому у меня явная апатия. «Работаю» лениво-прелениво — не тянет чистить, как не тянет и чистописать. ... Мерзко от сознания того, что всюду война или предгрозе военное... Не пишется даже дневник. Записываю с опозданием порою на сутки... Ослабление «творческой потенции» налицо и — огорчает крепко. (8 марта 1992 г.)

— ...Тошно от всего вокруг. От бесконечного трепа о злокозненных большевиках, которые довели, которые доводят и т.д. и т.п. От неумолкаемых призывов к действиям — вместо этих самых действий. От того, что маюсь бездельем (никогда не имел выходных дней, а тут их праздную исправно, до тошноты). От того, что некуда и не к кому пойти... Приятелей действительных все меньше и меньше — теряешь, не приобретая. Пуст почтовый ящик: сегодня в нем первое с начала июля письмецо — от Белого. Тирада о никчемности этой жизни. Ответил ему искренними, но банальными словами. (4 июля 1992 г.)

На листок за 8 февраля 1994 г. Леонид Наумович Большаков вклеил слова из интервью со Львом Додиним, который говорит о своем новом спектакле: «Быть может,

¹ Имеется в виду книга Л. Н. Большакова «Все он изведал... Т. Шевченко: поиски и находки» (Киев : Днипро, 1988. 541 с.).

чем неблагополучнее жизнь, тем продуктивнее искусство. Как ни печально...». У автора дневника эти слова вызвали ассоциации шевченковские, но слова Л. Додина можно отнести и к самому Леониду Наумовичу. Именно в трудные, непредсказуемые, нестабильные 90-е были созданы три фундаментальные энциклопедии, комментариев к Дневнику Тараса Шевченко, создан НИИ Т. Шевченко и все-таки пришла к читателю «Быль о Тарасе». Изменился и тон записей:

«...Жить мне стало интереснее. Не от “увлекательности” современной политики в России и странах СНГ (политика как раз глупая, политики во главе с генсеком, то бишь президентом, поразительно беспомощны), но от возможности реализовать свои планы-намерения нестандартными путями и комбинациями. Издавать книги, создавать нечто вроде Института, даже деньги зарабатывать, получая их не только из бюджетной кассы — это и другое на моей памяти было невозможным, а сейчас вполне возможно даже при моей неумелости в финансовых, организационно-хозяйственных и многих других вопросах... Дел прибавляется, но я этому рад. Лучше много дел, чем прозябание. Устаю я не от перегрузок, но от их отсутствия. Запас энергии во мне солидный, только бы не дало сбой здоровье» (11 июля 1993 г.).

Заслуживают внимания и недатированные страницы ежедневников, которые есть в конце каждого месяца. На них автор подводит итог сделанного в прошедшем месяце и планирует следующий, а на последней странице ежедневника непременно фиксирует сделанное за год. Однако на этих страницах не только лаконичное перечисление вышедших книг, журнальных публикаций, других литературных, издательских, организационных дел, но и размышления о прожитом месяце или годе. Так, на итоговой странице в феврале 1984 г. читаем: «Сначала о хорошем. Приятно отметили в кругу друзей день рождения Ирины (жены. — С. Л.). Это хорошо, когда рядом друзья и настроение самое доброе. Сделал сноски ко всему тексту рукописи “Первые”. Получил и прочел верстку “Шляхами великой доли”, которая выйдет в “Веселке”.¹ В Будах² думал над идеей “Любям на радость” (для Политиздата), а дома — над Дневником дневника — в общем, шевченковско-мангышлакской книгой. Занимался подготовкой “Шевченковского марта-84” по области, подготовил интервью для “Вечернего Киева”, буклет. Общество друзей Ваана Терьяна в школе № 24.

Плохое — покороче и повесомее. Болезнь в течение месяца, обследования в конце его и решение сдать на милость эскулапов — госпитализироваться в онкологию с перспективой операции. Лопнули многие планы, а мартовские — с проведением мною Шевченковского марта по области, с поездкой на Украину и, пожалуй, Москву — целиком и полностью. Так-то расправляется жизнь; у нее свой нор и своя стратегия. Остается надеяться, что речь будет идти о перерыве в работе, а вовсе не о ее сворачивании всерьез. Плохое затмевает все, но стараюсь держаться. Тяжелее это удастся с Ириной (женой. — С. Л.): она пала духом и не в состоянии думать ни о чем другом. В целом два первых месяца серьезной творческой работой не отмечены, зато отмечены... Впрочем, разным: от юбилея с фанфарами и наградами, до печальных событий последней недели февраля. Однако в году, как известно, двенадцать месяцев и еще можно надеяться».

А в итоговой апрельской записи 1985 г. вслед за перечислением сделанного читаем: «Есть еще одна литературная работа, которую при планировании я не записываю и даже не учитываю. А это работа серьезная, ежедневная, бессрочная и всегда для меня важная. Дневник! Пятнадцать-двадцать авторских листов в год. Исповедальная проза? Нечто

¹ Название украинского издательства для детей.

² Фаянсовый завод на Харьковщине, о людях которого написана книга «Рисунок на фаянсе: Непридуманная повесть о будянском Петушке» (Харьков : Прапор, 1982. 126 с.).

вроде этого. Если я не все обнажаю, то во всяком случае дневник помогает мне сосредоточиться на существенном, обдумать линию поведения, взять себя в руки, дать выход нервам, которые иногда разыгрываются и мешают действовать обдуманно. Так что Дневник для меня — это и своеобразный аутотренинг, отнюдь не излишний. Не вести дневник я уже, пожалуй, не могу: привык к нему, терзаюсь, когда пропустил день, а пропустив, — наверстываю на следующий же день и в обязательном порядке. Тут хроника моей жизни, а точнее, моей работы. Впрочем, разницы не вижу. Без работы жизни для меня нет и быть не может. Дневник — это ежедневные упражнения, это литературная мастерская, это путь к осмыслению психологии творчества и к работе над дневниками великих как своеобразном жанре. В работе над “Дневником” Шевченко мой дневник положительную роль уже сыграл и еще сыграет. Жаль, что не завел такой дневник раньше, но... до всего надо дорасти, ко всему нужно себя подготовить. Итак, хвала “Дневнику” Большакова!».

Цитируем строки из записи от 30 июня 1991 г.: «Заканчивается июнь, а с ним вместе и полугодие. Во мне постоянно живет чувство неудовлетворенности. Но и “план” месяца, и “план” полугодия выполнены — это безусловно. Важно не потерять летние месяцы (июль-август), а далее будет, вероятно, “полегче”. Последнее слово взял в кавычки — легких месяцев у меня не бывает».

А вот что записывает 77-летний автор дневника, подводя итог сделанного в 2001 году: «...Доведены до ума и малотиражно изданы “Дневник” с комментариями, “Записки Г. Винского”, “Я проводил его глазами”, “Житие Мити”, “Сенатор от штата Сорочинск”. Много занимался энциклопедическими проектами (“Мусульманской энциклопедией”, продолжением “ОБЭ”), но сие висит в воздухе...» (31 декабря 2001 г.).

В 1990 г. в дневнике Л. Н. Большакова рядом с датами появились цифры. 15 октября в верхней части страницы он поставил число 3000. Именно столько дней, по подсчету автора дневника, оставалось до его семидесятипятилетия. С этого времени до 31 декабря 1998 г. цифры можно видеть на каждой странице. Вначале они были четырехзначными, потом трех- и двухзначными, потом счет и вовсе измерялся днями. «Цифра подстегивает», — считал Л. Н. Большаков.

В дневниках-ежедневниках Большакова множество имен. О многих из них он рассказывает в связи с полученными письмами, о других — вспоминая встречи с ними в разные годы. Вот несколько лаконичных записей-воспоминаний:

«В “Лит. газете” вдруг узрел Виталия Михайловича Озерова. Оказывается, 85 лет. Но — жив. И жена его, та, что заведовала прозой в “Юности”, жива. Небольшая статья о нем как об одном из руководителей “ЛП” маловыразительна. В ней ни слова о “фаде-евском”, а мне, прежде всего, это и вспоминается. Разговор о “Сенаторе” в Дубултах — подготовка к полету и полет на Дальний Восток — Владивосток — Спасск-Дальний — Чугуевка — книжка в “Огоньке” — медаль Фадеева — все это плоды нашего с ним сотрудничества. Я те годы помню! И им дорожу!»¹ (4 апреля 2002 г.).

«На экране — Залыгин. Восемьдесят лет, но такой же, каким я его знаю по встречам в домах творчества и прочих местах. Ясный ум, трудолюбие и трудоспособность, умение смотреть в корень и видеть суть. Новый роман, новый “Новый мир”, поиск в себе и людях — жив и бодр. Вот с кого можно брать пример» (6 декабря 1993 г.).

«...А сегодня еще и день рождения Булата Окуджавы. С интересом смотрел и слушал его концерт. Вспомнилось, как когда-то в Коктебеле С. Наровчатов вдруг свел меня с

¹ В 1981 г. Л. Н. Большаков в составе писательской делегации был на праздновании 80-летнего юбилея А. А. Фадеева, который проходил в Спасске-Дальнем, Чугуевке — в местах, где прошла юность писателя. По впечатлениям от этой поездки на Дальний Восток была написана книга об Александре Фадееве, вышедшая 200-тысячным тиражом в Политиздате. За эту книгу Л. Н. Большаков был удостоен серебряной медали Всесоюзного конкурса им. А. Фадеева.

Булатом, представив нас друг другу словами о том, что, дескать, в этот момент на одном квадратном метре находятся сразу два автора книг о Пестеле. Смущение было обоюдным. На концерте, отвечая на вопрос из зала, Окуджава сказал, что свое историческое он писал как бы изнутри себя и про себя. Но разве не то же мог бы сказать и я — о себе» (9 мая 2001 г.).

В первом томе дневника Л. Н. Большаков цитирует слова Т. Шевченко: «На бездельи и это рукоделье... Как инструмент виртуозу, как кисть живописцу, так литератору необходимо ежедневное упражнение пера...» (26 февраля 1984 г.). Записи убеждают, что Л. Н. Большаков считал свой дневник своего рода литературной мастерской.

«Дневник для меня — своеобразная гимнастика ума. Записываю и думаю: меня ждут другие страницы... надо их продолжать... но как? С чего? Появились идеи — откладываю эту книжицу, подвигаю листы рукописи...» (20 июля 1986 г.).

«Мне лучше думается над листом дневника, чем “просто так” — без ручки и листа» (4 мая 1988 г.).

«Дневник для меня, человека рационального, это и способ “расписывания” перед писанием» (4 мая 1991 г.).

В самом деле дневник Л. Н. Большакова можно читать как литературное произведение: мелкий, но абсолютно разборчивый почерк; отсутствие помарок и исправлений, стилистическая выверенность фраз; четкость, выразительность, даже образность формулировок; интонационная окрашенность, позволяющая «услышать» голос пишущего, — все это, безусловно, говорит о мастерском владении словом, писательском даре.

Некоторые записи в дневнике являются, по сути, самостоятельными зарисовками. Одна из таких (для нее автору не хватило отведенного на этот день листка, и он вложил в ежедневник еще один. — С. Л.) сделана во время поездки Л. Н. Большакова в Армению, на юбилейные торжества по случаю 100-летия В. Терьяна. Он пишет в номере гостиницы в ожидании провожатого:

11 апреля 1984 года: «В такую рань на ногах я да аист, которого вижу из окна номера. “Здравствуй, аист, здравствуй, друг!” Он возвышается над гнездом, как король среди толпы (толпу изображают множество птиц разного — мелкого — калибра). Впрочем, скорее похож на разведчика, который всматривается в даль, ожидая подхода главных сил. А мне говорили, что “разведчики” прилетают к 9 мая. Не выдержал, выходит, соскучился по дорогому ему гнезду...»

Аисту холодно на высоте дерева, хочется сказать, что он зябнет; но с поста не уходит и медленно, неторопливо поправляет гнездо...

А моих аистов уже пара. “Хозяйка” гнезда чистит свои перышки — да как старательно! Ей бы еще зеркало!

Ушел бы, да приходится ждать. Одиночество скрадывает дневник. Я к нему уже привык — даже тянет записывать. Иногда отвлекает от работы литературной, но разве это не литературный труд и не литературная продукция, которая, возможно, и окажется когда-нибудь полезной?..

Над здешним музеем (в Гандзе) — аистинная семья. В самом разгаре любовь супругов. Уточнил: первые аисты прилетают в конце марта, их “соплеменники” — к 9 мая. Запомнил, выходит. В рукописи книги ошибки, думаю, нет, но — проверю...

...Выпал довольно большой снег и лежит белым покрывалом на всем обозримом пространстве...

Подумалось об аистах возле гостиницы и у музея В. Терьяна. Бедняги, им, наверное, не сладко. Но их согревает любовь».

«Разве это (дневниковые записи. — С. Л.) не литературный труд и литературная продукция, которая, возможно, и окажется когда-нибудь полезной... Раскроют ли его когда-либо в будущем мои отдаленные потомки?» — читаем в записи от 30 декабря 1997 г. Тогда вопрос был риторическим. Сегодня он обращен к нам.

Действительно, в дневнике Л. Н. Большакова можно найти записи о литературных замыслах, идеях. Вот, к примеру, сюжет для небольшого рассказа, записанный 1 января 1993 г.:

«И в историю журналистики, и в летопись общественно-революционного движения весьма примечательной, очень яркой фигурой вошел Владимир Львович Бурцев — создатель и редактор журнала “Былое”».

Давненько уже купил в книоторге биобиблиографический труд Ф. М. Лурье “Хранители прошлого” (Лениздат, 1990). В нем многое — в т.ч. и отдельная, персональная глава — о Бурцеве В. Л., который родился в 1862 году в семье штабс-капитана, офицера Оренбургского казачьего войска, “а детство провел в Бирске Уфимской губернии, в семье дяди, зажиточного купца”.

Владимир Львович — Лев Александрович, Новопетровский поручик, приятель Шевченко, который был близок с ним и на Мангышлаке, и в Астрахани, где, возможно и вероятно, гулял на его свадьбе.

Но мог быть и Лев в Оренбургском казачьем войске... совсем другой человек... Совпадение отчеств?

Теперь есть доказательство того, что Владимир — сын Льва. В метрической книге церкви Новопетровского укрепления я обнаружил запись о рождении, сделанную в ноябре 1862 года (рождение 17-го, крещение — 26-го). Отец — Л. А., мать — Софья Александровна, воспитанники — поручик Тучков и “жена подполковника” Ускова. Л. А. — поручик. В штабс-капитаны, с переводом в казачье войско его произвели, вероятно, позже.

Это лишь один факт. Но он дает возможность — всяких — веских, разумных, трезвых — ассоциаций, позволяет уловить нечто важное и полезное для характеристики окружения Шевченко, личностей из этого окружения. Отец с матерью становятся понятнее сквозь призму сына, как и в сыне обязательно присутствуют отцовские черты, даже гены. Материала для этого рассказа достаточно. Кстати, любопытны сведения о шевченковском на страницах “Былого”. Первый новый сюжет года».

В записи от 14 октября 2000 г. зафиксированы начальные строки будущей книги: «Два города в биографии Тараса Шевченко стоят рядом. Это Оренбург и Нижний Новгород. Первый город его долгой, многотрудной невольничьей жизни и последний город на пути к свободе. Свободе выбора, свободе творчества. Волею непредсказуемой современной истории они в 2000-м оказались ближе близкого — в границах одного, Приволжского, территориального округа; да будет это соединение, это содружество успешным и плодотворным. Во всех отношениях. Но здесь, сейчас мы сближаем города и земли только веками одной великой жизни. Впервые затеваю книгу “чистовыми” строчками в дневнике. Тут замысел, буду раскручивать. Прикидываю, что и за чем давать, как иллюстрировать (сквозная линия — оренбургско-нижегородские рисунки)».

«Для чего и кого пишут дневники? Чтобы перечитывать самим? Для потомства? Будущего? Печати? Вдруг задумался об этом применительно к себе. Я пишу, похоже, исключительно для того, чтобы собраться с мыслями о том, что за день сделано, что упущено, что предстоит сегодня и завтра. Дневник нужен мне, больше всего мне самому...» — записал Л. Н. Большаков 2 октября 1988 г.

Однако анализируемый дневник, уверен, может служить документальным источником для ученых разных специальностей.

Авторы исторических исследований и краеведы найдут в нем зарисовки о событиях региональной и общесоюзной истории; получают материал по истории повседневной жизни гражданина СССР, жителя провинции, человека интеллектуального труда.

Многое могут почерпнуть из дневника литературоведа. Он уже позволил подробно рассказать о том, как шла работа над трилогией «Быль о Тарасе» и последней книгой советского периода «Повесть о вечной жизни»¹. Дневниковые записи могут рассказать также о работе над комментированием дневника Тараса Шевченко, над книгой «74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна», Оренбургской Пушкинской энциклопедией...

Интересны, на наш взгляд, и размышления Л. Н. Большакова о источниковедческой значимости дневников.

Уже в первом томе своего ежедневника ученый пишет: «Только тот, кто берется за Дневник сам, способен понять природу дневника великого человека. Если он литератор, он не способен отрешиться настолько, чтобы забыть о читателе. Шевченко не готовил очередное произведение для печати [имеется в виду шевченковский дневник. — С. Л.], но строил записи (многие, особенно в начальные месяцы) таким образом, чтобы в печатном виде они выглядели наилучшим образом. И контролировал себя, чтобы не бросить на бумагу то, что не может быть прочитано другими. Когда-то меня за эту мысль подвергли критике, но я сейчас все больше убеждаюсь: прав я. Разобраться помог и этот мой дневник. Для печати его не предназначаю, но... такой возможности не исключаю и потому осторожен в формулировках, выборе фактов и слов. Помню о возможном читателе...» (19 февраля 1984 г.).

О том же, степени достоверности дневниковых записей, размышляет он в сентябре 1989 года в больнице, куда попал с диагнозом «инфаркт». Первые несколько страниц написаны как будто двумя разными людьми — уж очень разный почерк у записей. Оказывается, нижняя часть каждой страницы заполнена «задним числом». (Позже, на странице от 5 октября, читаем: «Все записи в дневник вношу уже 10-го, но по черновикам, которые писал день в день».) В записи от 29 сентября читаем: «“Задним числом” ощущения, настроения и чувства восстанавливать сложнее (записываю, точнее, дописываю) через две недели, а это почти вечность. “Экспериментально” убедился в том, что дневник ценен только тогда, когда ведется в течение дня или по горячим следам... Хорошо, что первые два абзаца написал именно в день совершения событий — они и есть содержание... Хотя какое содержание может нести в себе инфарктное состояние, когда все — нельзя и ничего — можно. Разве что думать. Но по делу думать я могу только над листом бумаги...».

Имея за плечами уже семилетний опыт ведения дневника, автор вновь сравнивает такие источники личного происхождения, как дневники и воспоминания, причем явно отдает предпочтение первым. Этот вывод зафиксирован 26 сентября 1991 г. Вспоминательная фамилия редакторов газеты «Орский рабочий», с которыми когда-то работал, автор дневника пишет: «Отчетливо памятны не все. Поступал — полвека назад! — при Овсянникове Н. Д. Он не любил заметки без подписи и каждую снабжал одним и тем же анонимом: А. Козлов, Б. Козлов, В..., Г... и т.д. Сидранская Рах. Дав. (это она писала: «с холодцом» — вместо «прохладцей»). Холодный, желчный Абрамичев Петр Иванович... (много нервов мне испортил). Умнейший Оксман Яков Борисович: журналист большого полета. Марфин Ник. Степ. — Юдин Вас. Ал. — Гусаров Бор. Ник. Кого-то пропустил, были «и.о.» (например, Просвирнов Ник. Фед., образованный марксист, который для сына, потом спившегося, законспектировал весь «Капитал»). Но если бы я надумал

¹ Впервые эта книга под авторским названием «Се человек» и на русском языке опубликована в сборнике: Тарас Шевченко снова рядом с нами (Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2014. 352 с.).

писать воспоминания, сих мужей воссоздать по правде не смог бы — запомнилось не так уж и много. Стоит ли удивляться, что так много переврал Ф. Лазаревский? Мемуары — не дневники, достоверность их весьма относительна (выделено нами. — С. В.)».

Ну и конечно, можно утверждать, что анализируемый дневник будет незаменим при создании биографии-жизнеописания интеллигента поздней советской эпохи Л. Н. Большакова: он позволит не только расставить биографические вехи, но и увидеть внутренние мотивы принятия решений, психологические особенности автора, его мироощущение, отношение к происходящим событиям и людям.

Таким образом, анализ дневников Л. Н. Большакова позволяет понять, что в качестве исторического источника их можно использовать далеко не только для реконструкции и уточнения основных вех жизненного пути Леонида Наумовича, что является хоть и важной, но достаточно узкой задачей для исторической науки в целом. Уникальность этого документа заключается в том, что он способен внести вклад в исследование механизма создания дневников в принципе, позволяет понять мотивацию людей, которые ведут дневники. А ведь только такое понимание и может лечь в основу адекватной оценки той информации, которые содержат дневники любых исторических личностей. Помимо этого содержание анализируемых записей позволяет уточнить на конкретном примере реальное влияние смены эпох (1980-е — 2000-е гг.), а именно в этот период они и создавались, на наши представления о поздней стагнации СССР, «лихих девяностых» и восстановлении начала XXI века. Дневники Л. Н. Большакова представляют огромный интерес для восстановления духовного мира обычного интеллигента поздней советской эпохи, поскольку в указанный период ведение личных дневниковых записей перестает быть чем-то обычным и общепринятым и сам тип данного исторического источника становится весьма редким, практически уникальным. А дневники Большакова выступают как фактически единственный полноценный источник такого рода, что многократно увеличивает его историческую ценность.

Список использованных источников и литературы

1. Быков Л. П. Технология жизни // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 1. С. 189—191.
2. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX в. М. : Флинта, 2002. 288 с.
3. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Исследование. М. : Флинта, 2003. 294 с.
4. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.] ; под ред. А. В. Сиренова. М. : Юрайт, 2015. 396 с.
5. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // ВВ: Исторические исследования. 2014. № 3. С. 60—93.
6. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. СПб. : Петрополис, 2009. 384 с.
7. Чайковский П. И. Дневники. М. : Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2000. 212 с.
8. Чуковский К. Дневник (1930—1969). М. : Современный писатель, 1995. 560 с.

Поступила в редакцию 15.10.2016

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 930.2+908

S. V. Lyubichankovskiy**L. N. Bolshakov's Diaries as historical source**

This paper analyzes the construction and contents of diary entries of the honorable citizen of Orenburg, the scientist and public figure L. N. Bolshakov. The historical value of his diary is explained, it serving as a basis for studying not only biographical aspects, but also his everyday life and his attitude towards people of his social circle, the intellectuals of late Soviet era. The accent is made on the theoretical reflections of L. N. Bolshakov on the historical specifics of the diary.

Key words: diaries, Leonid Naumovich Bol'shakov, everyday life, intellectuals, historical source.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

References

1. Bykov L. P. Tekhnologiya zhizni [Life technology]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN*, 2013, no. 1, pp. 189—191. (In Russian)
2. Egorov O. G. *Dnevniky russkikh pisatelei XIX v.* [Diaries of Russian writers of the XIX century]. Moscow, Flinta Publ., 2002. 288 p. (In Russian)
3. Egorov O. G. *Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra. Issledovanie* [Russian literary journal of the XIX century. History and theory of the genre. Study]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 294 p. (In Russian)
4. *Istochnikovedenie: uchebnyk dlya akademicheskogo bakalavriata / E. D. Tverdyukova [i dr.] ; pod red. A. V. Sirenova* [Chronology: a textbook for academic Bachelor's program, by E. D. Tverdyukova [et al.]; ed. by A. V. Sirenov]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 396 p. (In Russian)
5. Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii [The sources of personal origin: concept, place and role in the study of the history of the state-legal phenomena]. *NB: Istoricheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 60—93. (In Russian)
6. Petrovskaya I. F. *Biografika: Vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenii o deyatelyakh Rossii 1801—1917 godov* [Biography: Introduction to the science and review of the biographical sources of Russian luminaries of 1801—1917]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
7. Chaikovskii P. I. *Dnevniky* [Diaries]. Moscow, Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2000. 212 p. (In Russian)
8. Chukovskii K. *Dnevnik (1930—1969)* [Diary (1930—1969)]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1995. 560 p. (In Russian)